

— Кто сказал, что если люди нравятся друг другу, то они обязательно должны пожениться? — усмехнулась Юнь Лань. — Сяо Бай, у меня как раз не хватает телохранителя. Не мог бы ты помочь мне?

Если нравятся друг другу, можно не жениться? Бай Иньфэну показалось, что он услышал что-то странное, мозги чуть не заклинило. Но последнюю фразу Юнь Лань он всё же понял.

Видимо, из-за того, что те годы домашнего ареста длились так долго, он больше стремился к свободной, ничем не скованной жизни. Быть личным телохранителем, конечно, ещё более несвободно, чем охранять чужой дом, поэтому он, естественно, не согласился бы.

Он нерешительно произнёс:

— А разве телохранитель Лу справляется плохо?

— Он? Ты лучше о нём не вспоминай, и уродливый, и тупой, и всем надоел, — Юнь Лань презрительно скривила губки.

Девушка в красном была прекрасна и ослепительна, наивна и беззаботна. Даже гримаска недовольства на её лице была невероятно привлекательна.

Бай Иньфэн остолбенел, не понимая, зачем при найме телохранителя предъявлять такие высокие требования? Разве для телохранителя не достаточно просто высокого мастерства в боевых искусствах? К тому же, у Лу Цинфэна черты лица изящные, внешность можно считать выше среднего, никак не назовёшь уродливой.

Он промолчал. На самом деле, он был крайне озадачен, но, чтобы не показаться таким же тупым, как Лу Цинфэн, пришлось сделать вид, что всё понимает, и просто глубоко задуматься.

Юнь Лань рассмеялась:

— В общем, хорошенько подумай над этим. У меня для тебя место всегда найдётся.

Бай Иньфэн ещё больше удивился: Юнь Лань так сильно хочет, чтобы он стал её телохранителем, может, у личных телохранителей очень высокое месячное жалование? Если оно действительно такое большое, он уже почти готов был согласиться.

Просто он же пытался признаться в чувствах, почему госпожа Юнь говорит с ним об этом? Может, он был слишком неясен?

Бай Иньфэн немного загрустил, но раз Юнь Лань готова взять его телохранителем, значит, она о нём неплохого мнения.

Из-за этого предложения стать телохранителем разговор свернул в сторону, и Бай Иньфэн почувствовал, что, возможно, сегодняшний момент неподходящий, лучше сказать в следующий раз.

* * *

После того дня, когда они объяснились в чувствах, отношения между Тан Сяоу и Юнь Тао стали сладкими, как мёд, и так продолжалось много дней.

Юнь Тао рассказал ему, что эта усадьба на самом деле Императорская усадьба, и изначально, приведя его сюда, он собирался раскрыть свою личность. Но времени вместе было так мало,

вскоре предстояло возвращаться во дворец.

Тан Сяоу был глубоко тронут и стал ещё нежнее с Юнь Тао.

После страстной любовной утехы, катаясь в одеяле, Тан Сяоу не удержался и сказал Юнь Тао:

— Ваше Величество, жаль, что мы не можем видеться каждый день.

Юнь Тао слегка нахмурился, отстранил его и, глядя на его лицо, спросил:

— Ты хочешь попасть во дворец?

Тан Сяоу подумал и ответил:

— Если, попав во дворец, можно видеться каждый день, то почему бы и нет!

Юнь Тао фыркнул:

— Ты хочешь внести смуту в государственные дела, чтобы я погряз в чувственных наслаждениях?

Услышав, что он, кажется, не шутит, Тан Сяоу испугался. Он растерялся, обращаясь с Юнь Тао так же, как с Бай Иньфэном, и даже позволил себе пошутить. Но нужно помнить: слово императора — закон, государь не шутит с тобой.

— Что Ваше Величество изволите говорить? Я просто хочу часто видеться, разве это ошибка? — обиженно сказал Тан Сяоу. — Если это невозможно, то не соизволит ли Ваше Величество потрудиться и почаще навещать меня в храме Саньшань?

Юнь Тао смягчил выражение лица и объяснил ему:

— Положение Линъюня неуместно. Иначе взять Линъюня обратно во дворец было бы нетрудно. Покойный император из-за увлечения монахами и даосами, в поисках бессмертия и истинного пути, запустил государственные дела, развернул крупное строительство храмов и даосских монастырей. Если я хочу стать мудрым правителем, возрождающим страну, то не могу забрать Линъюня во дворец, иначе навлеку на себя осуждение сановников. Если позволить Линъюню появляться в запретном городе, возможно, ещё придётся дать ему подходящий статус, например, государственного наставника или бессмертного учителя. Такие действия слишком безрассудны, я сам не могу их допустить.

Тан Сяоу слышал всевозможные слухи об увлечении покойного императора поисками бессмертия и истинного пути. Даже в народе говорили, что этот император скончался из-за какого-то эликсира. Только нынешний император — это как раз тот, кто перед ним, сын покойного императора, так что на эту тему лучше не распространяться.

Тан Сяоу обнял его и сказал:

— Ваше Величество только что были так суровы, я немного испугался... Можно ли впредь по-прежнему называть Вас братом Юнем?

Юнь Тао нежно погладил его по спине, успокаивая:

— Конечно, можно. Только если будут посторонние, тебе всё же придётся называть меня Вашим Величеством.

Тан Сяоу тихо произнёс:

— Брат Юнь, после этой разлуки не знаю, когда мы снова увидимся.

— Если будет время, я тайно выйду из дворца, и мы будем, как раньше.

Тан Сяоу всем сердцем не хотел разлуки. За эти дни близости с Юнь Тао он всей душой привязался к нему. Он не знал, как пережить дни, когда Юнь Тао будет вдали от него.

Тан Сяоу не удержался и сказал:

— Брат Юнь, если я буду по тебе скучать, можно ли мне тайно пробраться во дворец, чтобы увидеть тебя?

Юнь Тао вздохнул:

— Как же мне не знать, как Линъюнь по мне тоскует? Только охрана дворца строга, если какой-нибудь неразумный причинит тебе вред, мне будет больно.

Тан Сяоу пришлось сдаться. Он снова спросил:

— В пятнадцатый день этого месяца, в полнолуние, брат Юнь, не сможешь ли ты приехать в храм Саньшань полюбоваться луной вместе со мной?

Юнь Тао немного подумал и сказал:

— Я согласен. Тогда я любой ценой приеду, чтобы встретиться с Линъюнем.

Они пробыли в усадьбе очень долго, почти не замечая времени. Тан Сяоу на самом деле даже не помнил, какой сейчас день и месяц, подсчитал — вроде бы ещё несколько дней осталось.

Услышав его согласие, Тан Сяоу снова начал корить себя, почему не назначил ближайшую дату. Но он понимал, что Юнь Тао хочет быть мудрым правителем, нельзя ради одного человека нарушать правила.

* * *

Возможно, поскольку Бай Иньфэн узнал его личность, Юнь Лань перестала скрываться и в присутствии Бай Иньфэна называла Юнь Тао «братец-император».

У Бай Иньфэна так и не представилось возможности снова высказать признание, пока однажды Юнь Лань не сообщила ему, что они возвращаются во дворец.

Когда Бай Иньфэн узнал об этом, слуги уже собрали вещи, погрузили их в карету и готовились к отъезду.

Юнь Лань стояла перед ним и, улыбаясь, спросила:

— Дворцовые стены высоки, к тому же есть евнухи. Если бы я была простой девушкой из скромной семьи, ты бы пришёл навестить меня?

Сердце Бай Иньфэна дрогнуло, и он невольно выпалил:

— Конечно, пришёл бы!

Юнь Лань протянула свою нежную руку и передала ему жетон.

Он остолбенел, потянулся, чтобы принять. Но когда их руки соприкоснулись, его ладонь слегка пощекотали кончики пальцев, в сердце также возникло щемящее чувство, и он невольно взглянул на Юнь Лань.

Юнь Лань очаровательно улыбнулась:

— Жду тебя.

Бай Иньфэн опустил взгляд на жетон, потом снова посмотрел на принцессу. Принцесса уже направилась к карете, с помощью служанки поднялась в неё и помахала ему рукой.

Бай Иньфэн не мог понять значение слов Юнь Лань. Разве принцесса и простая девушка — одно и то же?

С полным недоумением на лице он вдруг почувствовал на себе убийственный взгляд.

Он посмотрел в том направлении и увидел под деревом Лу Цинфэна, который сжимал рукоять меча на поясе, уставившись на него так, будто хотел живьём проглотить.

На что ты уставился? Я и сам не знаю, что означает этот жетон!

Хотя он не понимал, но если бы Лу Цинфэн попросил у него его, он, конечно, не отдал бы. Ведь это подарок принцессы, хотя выглядит не золотым и не нефритовым, не похож на что-то ценное.

Провожали их по-прежнему те же две кареты.

Возницы спокойно правили лошадьми, а двое в каретах были поглощены своими мыслями.

Бай Иньфэн видел, как Тан Сяоу то хмурится, то расплывается в улыбке, и невольно про себя ворчал: вроде все одинаково влюбились, почему же реакции такие разные?

Сейчас в его сердце было лишь одно чувство — досада. Что же госпожа Юнь от него хочет? Этот жетон — это пропуск, чтобы отправиться в место, куда госпожа Юнь хочет, чтобы он поехал? Или это жетон отряда телохранителей, ведь госпожа Юнь хотела нанять его в охрану? А может, это личный знак великой принцессы, который может спасти ему жизнь, если он ненароком ошибётся?

Бай Иньфэн долго думал, но так и не понял. Хотел спросить Тан Сяоу, не сможет ли тот прояснить ситуацию, но, увидев выражение его лица, его вдруг охватил непонятный гнев, и ему захотелось побить Тан Сяоу.

Он чувствовал себя странно: у каждого свои возлюбленные, почему же Тан Сяоу его так раздражает? Наверное, потому что его собственная любовная линия складывается не гладко. Такое отношение совершенно неправильно, неудивительно, что Тан Сяоу беспокоился, что он предпочтёт красоту дружбе.

Карета довезла их до подножия горы храма Саньшань, дальше им пришлось идти пешком.

Идя по знакомой дороге, Бай Иньфэн чувствовал некоторую оторванность от реальности, как будто месяц в усадьбе был всего лишь сном. Они никогда не бывали в такой просторной и огромной усадьбе и никогда не встречали его прекрасную незнакомку.

Великая принцесса и он, наверное, не предназначены друг для друга, и ему не стоит больше об этом думать.

Бай Иньфэн снова взглянул на Тан Сяоу и подумал, что хотя этот брат выглядит оторванным от земли, он, как ни странно, ощущается более реальным.

<http://bllate.org/book/15610/1393667>